

СЕРГЕЙ ШМАЛЬ

18+

ВРЕМЯ ДОБРЫХ НАКЛОНЕНИЙ

Сергей Шмаль

Время добрых наклонений

«Издательские решения»

Шмаль С.

Время добрых наклонений / С. Шмаль — «Издательские решения»,

Осень в Москве. Женщина плачет в корректорской. Журналист не проходит мимо — не потому что герой, а потому что иначе нельзя. История о том, как одно человеческое участие врачует душу и как из малого — гранки, чашка кофе, разговор — вырастает надежда.

© Шмаль С.

© Издательские решения

Время добрых наклонений

Сергей Шмаль

*Газета живёт не громкими заголовками. Газета живёт людьми,
которые не проходят мимо.*

Дизайнер обложки Иван Александрович Язев

© Сергей Шмаль, 2026

© Иван Александрович Язев, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-2089-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сентябрь в том году стоял в Москве удивительно покладистый — без затяжных дождей, без внезапного холода, от которого сводит пальцы. Солнце падало в окна редакции мягко, по-вечернему, хотя час был еще обеденный, и свет этот окрашивал казенные стены в теплый оттенок топленого молока. В коридорах пахло типографской краской, сырой бумагой и тем особенным, ни с чем не сравнимым запахом горячей печатной машинки, когда пластмасса корпуса чуть нагревается от долгой работы. Этот запах Алексей Дмитриевич Воронцов знал с юности, с тех пор, как зеленым практикантом впервые переступил порог отдела городской хроники, и с тех пор он казался ему запахом дела, честного труда и нужной людям новости.

Сам он сидел за столом у окна, спиной к двери, но не из скрытности, а потому что так сложилось исторически: когда-то, в первый год работы, ему отвели это место возле подоконника с облупившейся краской, сказали — «молодому зрение беречь надо», и с тех пор он с этим местом сросся. Машинка стояла перед ним трофейная, «Оптима», доставшаяся по случаю от выезжавшего за границу коллеги, клавиши чуть продавлены от бесчисленных касаний, но ход каретки оставался мягким, почти музыкальным. Алексей Дмитриевич работал методично: прочитывал написанное вчера, правил стиль (он не выносил газетных штампов, хотя сам же и должен был их вытравлять из чужих материалов), потом вставлял новый лист — с отступом, с широкими полями, как учил его старый ответственный секретарь, ныне покойный Самуил Львович, говоривший: «Чистая рукопись — уважение к тому, кто будет ее читать. Даже если это твоя собственная жена, привыкшая к твоим каракулям».

Сейчас он заканчивал передовицу о строительстве новых корпусов на часовом заводе — материал требовал не просто перечисления квадратных метров и перевыполненных планов, но живого человеческого участия. Алексей Дмитриевич умел находить это участие без нажима, без ложного пафоса. Он писал о том, что в новых цехах предусмотрена вентиляция нового типа, «избавляющая работниц от духоты в летние месяцы», и мысленно видел этих женщин в синих халатах, с усталыми, но приветливыми лицами; писал о том, что при заводе открываются ясли на пятьдесят мест, и это было для него важнее любых директивных цифр. Он вообще считал, что журналистика — это ремесло человеческого рассказа, а не громыхания фразами, и именно за это его ценили и в редакции, и читатели, хотя сам он никогда не говорил о себе в таких категориях.

Со стороны он смотрелся человеком, на котором костюм сидит как естественное продолжение натуры — так, словно он в нем родился. Сегодня на нем был темно-серый, в едва заметную полоску, из добротной костромской шерсти. Рубашка белая, воротничок не жесткий, но и не мятый, манжеты выглядывали ровно на полтора сантиметра. Галстук — сдержанный, синий, без узоров. Никто в редакции ни разу не видел его в рубашке с коротким рукавом или,

упаси бог, в какой-нибудь безрукавке поверх сорочки. Не потому что он был педантом или снобом; просто он глубоко уважал свое дело — а значит, и себя в этом деле. Он знал, что придет старуха-пенсионерка с жалобой на протекающую крышу — и увидит перед собой человека, который внушает доверие одним своим обликом. Придет партийный чиновник — и поймет, что выдвигать этому журналисту претензии, не подкрепленные логикой, будет неловко именно перед его спокойной, без вызова, солидностью.

В комнате, где он сидел, стояло еще два стола. Один, ближе к двери, пустовал — его хозяин, фотокорреспондент Захар Митрофанович, вечно пропадал на выездах, и от стола разлило проявителем и сладковатым химическим запахом закрепителя. За вторым столом, сдвинутым чуть в тень, работал Илья Семенович, человек непростой судьбы и тончайшего вкуса, заведовавший отделом культуры. Илья Семенович сейчас отсутствовал, отбыв на просмотр в Театр на Таганке, и в комнате стояла та благословенная, ничем не нарушаемая тишина, которую Алексей Дмитриевич ценил превыше всех совещаний.

Он вынул из машинки готовый лист, вложил следующий и на мгновение замер, подняв голову. Что-то изменилось. Нет, не в комнате — за стеной, в коридоре. Там прошлестели быстрые, легкие шаги, затем другой походкой, тяжелой и уверенной, прошел кто-то от кабинета главного редактора в сторону отдела корректуры. Алексей Дмитриевич прислушался по профессиональной привычке ловить новости даже в интонациях шагов. В редакции воздух всегда был полон невысказанного, подспудного, и опытный газетчик читал его, как открытую книгу.

Он вернулся к работе. Дописал абзац о том, что «бережное отношение к человеку труда проявляется не в громких обещаниях, а в продуманной до мелочей организации быта». Поставил точку. Перечитал. Снял очки (легкие, в роговой оправе, которые носил не из-за слабости зрения, а чтобы не напрягать глаза при долгой работе с текстом), протер стекла замшей и тут услышал звук, который заставил его замереть с замшей в руке.

Звук был тихий, почти звериный — так плачет человек, который не хочет, чтобы его слышали, но силы терпеть уже иссякли. Всхлипы доносились из-за неплотно прикрытой двери в конце коридора, где располагалась корректорская. Алексей Дмитриевич не принадлежал к породе людей, которые немедленно бросаются выяснять, в чем дело, и оказывать непрошеную помощь. Он знал цену чужим слезам и чужому достоинству. Но когда через несколько минут из кабинета главного редактора вышел сам редактор, Силантьев Петр Никифорович, с каменным, ничего не выражающим лицом, и прошел мимо, даже не кивнув, Алексей Дмитриевич понял: случилась несправедливость. А к несправедливости он относился с поразительной для своего спокойного нрава непримиримостью.

Он дождался, пока шаги редактора стихнут на лестнице, встал из-за стола, одернул пиджак и вышел в коридор. Корректорская дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы впустить полоску электрического света из коридора в темную комнату. Там, в этой комнате, обычно царил идеальный, почти музейный порядок — стопки гранок, корректурные знаки, выписанные фиолетовыми чернилами на полях. Сейчас же, как заметил Алексей Дмитриевич, этого порядка не наблюдалось: на полу валялся лист бумаги, явно оброненный в спешке, а может быть, и нарочно смахнутый кем-то в гневе.

Он деликатно кашлянул, не входя внутрь.

— Прошу прощения... Мне нужна корректор. Наш материал о часовом заводе, третья полоса, там цифры перепроверить бы.

Это была почти правда. Материал действительно ждал корректуры, но он мог бы отдать его и завтра, без всякой спешки. Просто нужно было дать человеку за дверью повод выйти из тени.

За дверью наступила пауза. Потом послышался тихий, чуть хриловатый от слез, но очень приятный, низковатый для ее хрупкого облика голос:

— Да, одну минуту. Извините.

Она вышла.

Алексей Дмитриевич видел ее и раньше. Невозможно было не заметить, когда три месяца назад в редакции появился новый корректор — молодая женщина, которая проходила по коридору всегда чуть боком, словно извиняясь за то, что занимает собой пространство. Тогда, весной, она еще носила легкий плащик песочного цвета, и волосы ее, пепельные, с отливом в русый шелк, были убраны под косынку. Косынка эта, повязанная по-деревенски низко на лоб, поразила его каким-то щемящим несоответствием: юное, тонкое лицо, огромные серые глаза — и этот бабий убор, словно она нарочно прятала свою красоту. Сейчас, в сентябре, она была в простом темно-зеленом платье, с глухим воротом и длинным рукавом. Платье не новое, но такое... правильное, что ли. На таком платье ни одна складка не появится без разрешения хозяйки.

Он тогда, при первой встрече, запомнил ее лицо — нежное, с чистым овалом, чуть припухшей нижней губой и тем выражением тихой печали в глазах, которое бывает у людей, переживших что-то тяжелое, но не сломавшихся. Ее, кажется, звали Зинаидой. Или Зоей? Зоя, да, точно — Зоя Петровна.

Сейчас она стояла перед ним, и было видно, что она только что плакала. Глаза покраснели, но она не стыдилась этого, а смотрела прямо, только пальцы рук чуть теребили карандаш. Карандаш, заметил он, был остро отточен с двух сторон — верный признак хорошего корректора.

— Алексей Дмитриевич, — сказала она негромко, узнав его. — Вы материал принесли? Давайте, я посмотрю.

Голос дрогнул на последнем слове, и она прикусила губу.

— Зоя Петровна, — ответил он, и фамильярность эта была бы для другого непозволительна, но в его тоне прозвучало такое спокойное, ровное уважение, что она чуть подняла на него глаза. — Простите, что отвлекаю. Там действительно нужны свежие глаза. Наши «часовщики» такого наворотили с запятыми — сам черт ногу сломит. Но если вам сейчас недосужно, я могу и завтра зайти.

Он сказал это намеренно. «Сейчас недосужно» — давая ей возможность либо ответить «да, я занята», сохранив свое одиночество, либо все же вступить в контакт, остаться в рабочем процессе, который, как он знал по себе, лучшее лекарство от тоски.

— Нет-нет, — она даже качнула головой слишком поспешно, и одна прядка выбилась из строгого пучка на затылке. — Я сейчас... Я возьму. Вы зайдете через полчаса?

— Я лучше здесь подожду, в коридоре. Покурю заодно.

Она чуть улыбнулась — бледной, мгновенной улыбкой, от которой все лицо ее странно переменялось, осветилось какой-то внутренней теплотой:

— Вы же не курите, Алексей Дмитриевич. Я помню, Илья Семенович рассказывал. Вы спортсмен.

— Врут коллеги, — серьезно ответил он. — Не спортсмен, а просто человек, который любит свежий воздух. И в коридоре он куда свежее, чем в моем кабинете. Там фотограф наш опять какую-то химию развел. Вот, подышу.

Она взяла из его рук папку с гранками, кивнула и снова скрылась за дверью. Но, как заметил Алексей Дмитриевич, всхлипы больше не возобновлялись. Вместо них послышалось деловитое шуршание бумаг, стук карандаша, поставленного в стаканчик, и тихое бормотание: «Так... абзац... здесь отступ не тот...». Он улыбнулся краем губ, отошел к окну в конце коридора, открыл фрамугу и действительно встал там, подставив лицо осеннему ветерку с Плющихи.

Внизу, во дворе, шофер редакционного «газика» дядя Коля протирает ветошью лобовое стекло. Две журналистки из отдела писем, Валентина и Клавдия, несли куда-то огромный баул с читательскими конвертами, оживленно переговариваясь. Жизнь входила в берега, возвра-

щалась к своему привычному ритму, и только он знал, что за стеной сейчас сидит молодая женщина с заплаканными глазами и пытается ровнять строки, которые поплыли перед ней от обиды. Кто ее обидел? Силантьев? Не похоже на Петра Никифоровича — он, конечно, человек резкий, рубленый, но на женщин голос не повышает принципиально. Хотя... месяц назад была история с версткой, когда он публично отчитал ее за пропущенную ошибку в заголовке. Но то была рабочая критика, без личного. Что же случилось сегодня?

Он стряхнул с подоконника несуществующую пыль и напомнил себе, что это не его дело. Зоя Петровна — взрослый человек, корректор, коллега. У нее своя жизнь, свои обстоятельства. Ему ли, сорокалетнему холостяку с налаженным, как часы, бытом, с устоявшимися привычками и кругом добрых друзей, вмешиваться в беду молодой, по сути, чужой женщины?

Но профессионал и просто порядочный человек, живший в нем, не мог пройти мимо несправедливости. Это сидело в нем с войны, с тех самых дней, когда он, восемнадцатилетний доброволец, увидел, как грязь и беда человеческая обнажают натуры: одних — до подлости, других — до святости. Тогда он решил, что будет всегда, по мере сил, держать сторону света. Не крикливо, без пламенных речей, просто — делами.

Ровно через полчаса дверь корректорской открылась. Зоя Петровна вышла с папкой в руках. Глаза ее были все еще влажными, но ресницы уже подсохли, и карандаш не дрожал в пальцах. Она протянула ему папку.

— Я проверила, Алексей Дмитриевич. Вы были правы: в трех местах сбита нумерация сносок. И вот здесь... — она раскрыла папку и показала на полях, где ее аккуратным, даже каким-то изящным почерком были выписаны правильные цифры, — в таблице арифметическая ошибка. Не ваша, наверное, вам из отдела статистики дали. Сумма не бьется на три с половиной тысячи.

— Три с половиной тысячи — это часы, выработанные сверх плана? — переспросил он, вглядываясь в ее пометки. — Вот спасибо, Зоя Петровна. Вы меня прямо спасли. Полосной материал, представьте, что было бы, если бы такая опечатка ушла в тираж.

— Это не опечатка, а ошибка в исходных данных, — поправила она тихо, но твердо. — Корректор не должен исправлять цифры, это не наша компетенция. Но я позволила себе... Потому что вижу, вы тщательно готовите материал. Будет жалко, если он выйдет с неточностью.

— Спасибо, — повторил он, глядя ей прямо в глаза. За этим «спасибо» стояло больше, чем простая вежливость, и она, кажется, это почувствовала, потому что слабый румянец проступил на ее бледных щеках.

Он уже хотел развернуться и уйти, но что-то остановило его. То ли этот румянец, то ли то, как она машинально погладила левой рукой правое запястье — бессознательный жест успокоения. Он сказал, понизив голос:

— Зоя Петровна, я понимаю, что это, возможно, не мое дело. Но если Петр Никифорович позволил себе лишнее... Если вам нужна помощь или просто свидетель в разговоре с ним — вы можете на меня рассчитывать. Я знаю его давно, он человек сложный, но отходчивый. Иногда нужно просто правильно поставить вопрос.

Она посмотрела на него долгим, серьезным взглядом, и в ее серых глазах он прочел не благодарность даже, а какое-то удивление. Так смотрят на человека, от которого не ждали участия, а он взял и проявил его. Она молчала несколько секунд, потом сказала совсем тихо, почти шепотом:

— Спасибо, Алексей Дмитриевич. Это... нет, это не совсем Петр Никифорович. То есть он, но я сама виновата. Я допустила ошибку. Серьезную. В материале о партийной конференции. Перепутала инициалы члена бюро горкома. Там была товарищ Котова В. И., а я проставила В. Д. Машинально, у меня в старой газете было так... Петр Никифорович сказал, что это политическая близорукость и что если бы сигнальный экземпляр не попался ему на глаза, меня следовало бы...

Она не договорила, но ему и не нужно было. Он все понял. Ошибка и впрямь серьезная, но реакция главного была, видимо, несоразмерной. Устроить разнос, обозвать «политической близорукостью» корректора, который механически, по старой памяти, проставил не те инициалы — это не дисциплинарное взыскание, а уничтожение. Учитывая, что у нее, кажется, есть маленький ребенок и она одна...

— Это ошибка, — признал он спокойно. — Но не «политическая близорукость». Вы же не нарочно. И я более чем уверен, что больше с вами такого не повторится. А Петру Никифоровичу... я, если позволите, найду способ замолвить слово. Не о том, что он неправ, — тут же поправился он, видя, как испуганно расширились ее глаза, — а о том, что вы ценный работник и в целом справляетесь отлично. Я ведь вижу вашу работу. Мы, пишущие, редко говорим спасибо корректорам, а зря. Вы наши последние ангелы-хранители перед типографией.

Она опустила глаза, и ее рука сама потянулась к вороту платья, поправила и без того идеально лежащий воротничок.

— Не надо, Алексей Дмитриевич. Не замолвливайте. Я сама. Просто... спасибо вам. За то, что не прошли мимо. И за эти полчаса. Работа меня... приводит в чувство.

— Тогда давайте договоримся, — сказал он неожиданно для самого себя. — Сегодня среда. В пятницу у нас летучка, я буду сидеть во втором ряду с краю. Там душно, и Петр Никифорович всегда открывает окно. Если что — пересядьте поближе к этому окну, я прослежу, чтобы там не было сквозняка. А после летучки, если будет настроение, тут за углом, на Садовой, открыли неплохой кафетерий. У них удивительно приличный кофе и, говорят, ванильное мороженое. Вы ведь любите мороженое? — он улыбнулся, и впервые за весь день улыбка его вышла по-настоящему легкой, мальчишеской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.